

42-й
выпуск

— Наверное, не стоит скрывать, что мы знакомы довольно давно и разговариваем о твоей жизни, с кино связанной, не впервые?

Однако говорим мы все-таки для печати, для людей, знающих тебя в основном по картинам и ролям. Поэтому давай наметим хотя бы приблизительный порядок и последовательность разговора.

— Я бы в таком контексте предпочел говорить только за себя — без обобщения положения дел в актерском цехе.

Популярность этого артиста кино, начавшаяся сразу после дебюта и длящаяся уже почти два десятилетия, освобождает от обыкновения перечислять все заслуги и звания нашего гостя. Подробности биографии Алексея Баталова не становились предметом журналистского внимания. Свои взгляды на проблемы киноискусства он неоднократно высказывал в интервью, статьях и выступлениях. В частности, на последнем пленуме кинематографистов СССР, где Баталов сделал доклад в качестве секретаря союза.

играл того, чего мне не хотелось. И никто не мог меня заставить, уговорить. Единственный случай: «Осторожно, черепаха!». Ролан Быков сумел уговорить. Я поддался — и получил жестокий урок. Старался не меньше, чем всегда, — и ничего не вышло.

— Но наверняка же ты мучился: искал причины. Согласившись, начав работать, ты же, конечно, не рассчитывал сдать на милость материала. Значит, скорее всего не оправдались какие-то из твоих оптимистических расчетов. Или ты видишь основную причину неудовлетворенности в себе самом, в собственной индивидуальности?

— В «Черепахе» я себя не находил. Появлялся в кадре волею Ролана. И, снимаясь рядом с ним, перед ним преклонялся: он играл бабушку, я — дедушку. Он

героя любят. Однако Гуров целует женщину по-другому, чем Румянцев?

— Но ведь и в том, и в другом случае женщину целую я. И не могу быть одинаковым — даже если захотел бы.

Современное кино с рентгеновской чуткостью приближает актера к зрителю. Ничего, на мой взгляд, нет интереснее на экране, чем верность актера себе в роли. Мне такая верность необходима.

— Хорошо. Кино приближает актера к зрителю. Делает лицо его в случае большой удачи знакомым и близким. Но чаще и чаще теперь устоявшаяся известность отнимает волнение от встречи с популярным актером. И он — за порогом, который, похоже, не в состоянии переступить. Работает, снимается, ол

— Конечно, в определенном смысле и повлияло. Появилось чувство ответственности. Раньше я был раскованнее — и внешне это проявлялось вполне очевидно. Любил, как и все актеры, шутки и розыгрыши. Валил дурака на улице. И сейчас бы с удовольствием пошутил в том же роде, а уже и неловко — подумают: хочет лишнего раз внимание на себя обратить, рекламу зарабатывает, позирует. Поневолье становлюсь более чопорным.

Но главное в другом. У меня от излишних иллюзий — охранный грамота. Я из двора актеров — и мать, и отец у меня артисты и режиссеры, в детстве я жил во дворе МХАТ. Моего дядю Колю после «Путевки в жизнь» на улице узнавали буквально все, а я его видел дома... И другие мои родственники — артисты МХАТ. С детства я знал разницу между мастерами, которых на улице почти не узнают, и актерами посредственными, но попадавшими в мимолетность удачи. После первых моих картин родственники меня хвалили, но весьма снисходительно, и я понимал, что со своих высот они правы, отвечал (жене Николая Баталова, замечательной актрисе МХАТ Ольге Николаевне Андровской. — А. Н.): «Спасибо, тетя Леля, я старался...» Благодаря им я и знал всему случившемуся со мной цену.

И в юности я рос в доме, где бывали большие художники. Годы и годы жил под одной крышей с Ахматовой. Что значила моя узнаваемость глodom с личностью Ахматовой? Иной же уровень разговора. И все друзья мои — люди с высокими требованиями. Их запросто не удивишь. Круг общения чрезвычайно важен для актера.

И потом — не надо забывать, что известность мне принесло кино. Но воспитывался я в театре. Люблю театр. Не верю, что можно вырасти в артиста, минуя культуру театра. Дотошность моя, которая в кино многих раздражает, тоже ведь от театра.

— От имени читателей «Недели» я благодарю тебя за ту доверительную открытость, с какой говоришь ты о своих работах и тревогах. Но мне показало, что в начале нашей беседы ты недорассказал о том, что происходит с тобой сегодня. Я не о частностях — о картинах, где ты сейчас снимаешься, о ролях (князь Трубецкой в «Звезде пленительного счастья» Мотыля, в новом телевизионном фильме С. Самсонова). О том основном и принципиальном, что должно, по-твоему, произойти с тобой в ближайшее время.

— Я упрямый — и верю, что переход в роли нового качества все-таки случится. Я знаю себя и представляю реально, насколько я другой. Причем знаю, откуда и почему это пришло ко мне. Не будет ролей — я найду форму выразить это новое во мне по-другому: в режиссуре, в сценариях. И в случае, если что-то серьезное мне удастся, — удивляться не надо. Это не другое мое качество — это я. Никакого скачка не произойдет — нормальное движение.

Беседовал с гостем
А. НИЛИН.
Снимал Г. Дубинский.

АЛЕКСЕЙ БАТАЛОВ

И начать с конца — то есть с того, что происходит со мной сегодня.

— Но сейчас ты, по-моему, переживаешь тяжелые времена? Наверное, ты сам лучше меня это чувствуешь и понимаешь?

— Понимаю — и ни в коем случае не закрываю на это глаза. Я мало снимаюсь все последние годы.

Философия профессии предполагает человеческое движение. Это не просто требования данного момента. Это совесть. Уже стыдно сыграть и только органично выполнить те или иные более или менее сложные режиссерские задания и положения драматургии. Пора уметь вызвать интерес к психологии и душевным сложностям людей своего возраста, поколения, жизненного опыта. Находить радость в совпадении и разделении чувств с людьми, серьезно, современно, без боязни смириться на жизнь мира.

Образ молодого героя, открывшего мне дорогу в кино (Румянцев, например), физически исчез. Воспоминания об этих работах не дают мне уже и поводов для размышлений и выводов. Как-никак прошло два десятилетия. И вообще, по-моему, плохо и грустно, когда у действующего работника кино слишком много свободного времени для воспоминаний.

Я знаю: опытному режиссеру звать меня в картину особого резона нет. Вдруг повторюсь? Словом, я вроде езженной лошади. Баталов и Баталов, моя. Ничего больше — а образ где? Знаю, знаю и про такую точку зрения на меня. И понимаю: не всякому режиссеру есть смысл искать для Баталова новые пути. Как делали Хейфиц и Ромм в «Даме с собачкой» и «9 днях одного года».

Но я никого не виню. Догадываюсь о резонности их точки зрения.

И все же мне кажется: я прав. Важен этап, переживаемый актером именно сегодня. Нужна роль, отражающая этот этап. Когда предстаешь нераздельно с самим собой. Как когда-то в том же «Деле Румянцева».

Мне необходимо выступить в качественно новой роли.

В «Живом трупе» я предстал кое для кого из зрителей и критиков нежеланным. Но я считал, что играю Протасова на другой, чем прежде, энергии. Так ска-

жем: не на дровах — на газолеме.

— Но критика и зритель действительно выше оценивают другие твои работы. И, нельзя не заметить, критикуют тебя вовсе не часто. Может быть, оттого резкие замечания и вызывают у тебя с непривычки неожиданную реакцию?

— Почему же неожиданную? Любой актер реагирует на критику острее, чем художник других дисциплин. Потому ты сам мог бы заметить, что я никогда не оправдываюсь, не обижаюсь. Нахожу в себе терпение выслушать все неприятное. Неприятное, не обязательно идущее от прессы, но от родных, от мамы, допустим, от братьев, от товарищей. Никогда на критику вслух не возражаю. Но всегда себе стараюсь доказать, что в посыле к работе был прав. Всегда готов все заново поставить и сыграть, чтобы доказать эту свою правоту. Я же ни разу не

был свободен, органичен, мало того, он оставался Быковым. Я же так и не стал дедушкой и потерял себя.

Видимо, я лишен радости перехода из формы в форму.

Я слышу упрек: «Одно и то же». Но мои герои для меня не похожи один на другого. И внутренне они по-прежнему кажутся мне разными. Я убежден, что могу быть разным в ролях, когда понимаю, почему люди, которых я играю, отличаются друг от друга. Но если я совсем не понимаю героя, не могу применить себя к нему, тогда я совсем ничего не могу. Чисто внешнее решение мне противопоказано, да и неинтересно. Я играл Румянцева и я же играл Гурова в «Даме с собачкой». Я не прятался за грим, что, полагаю, и не нужно в кино, и узнать меня в той и другой роли труда не представляет.

— Но вот такая на первый взгляд незначительная деталь. Оба

нако что-то необъяснимое ушло от него и от нас. Он — имя в рекламе, в информации. Но не в сердце, вне воображения. Чем же объяснить, что актеры послевоенной известности, за редким исключением, отступают? Даже не перед талантом — перед новыми лицами...

— Вот тут я не хотел бы теоретизировать. Я действующий актер, а ты, может быть, и на меня намекаешь. И провоцируешь на ответ, меня в смешное положение ставящий. Спроси искусствоведов — им виднее. Одно считаю: уровень требований прочерчивается не капризами режиссеров. Но необходимостью. Актер — значительное лицо, пока он на уровне требований, предъявленных сегодняшним кинематографом. Требования, заданий, поставленных перед самим собой. Собственное задание — степень его трудности и высота — определяет дееспособность актера. Словом, «количество вложенного труда» — оно чувствуется, хотим мы того или не хотим.

Жесткая профессия, где опыт далеко не всегда в помощь. Где столько из потраченного не исполняется. Где зависишь действительно от каждого дня.

— Помню, ты как-то сказал, что, наверное, лучше и больше других знаешь, как тебе повезло.

— И сейчас повторю: мне повезло. И до сегодняшнего дня, включая и кризис, и отсутствие необходимых ролей, я не сделал бы ни одного упрека своей судьбе.

— Как раз в связи с этим мне захотелось проверить воспоминание, найденное в давности знакомства. После «Большой семьи» ты приехал в Переделкино, кажется, к Погодину. Тогда ты начал сниматься сразу в двух картинах: в «Деле Румянцева» и в «Матери» у Донского. Узнавали тебя тогда в лицо не как Баталова, а как героя только что прошедшего фильма. Но ты казался в то лето совершенно счастливым. Я ошибаюсь?

— Не ошибаешься. Помнишь? В «Детстве Никиты»: «Никита проснулся от счастья». Оттого, что он любит, что любят его. Вот так я тогда просыпался каждое утро...

— А потом и в дальнейшем тебя узнавали все больше. Узнавали как актера перспективных возможностей. И элементарно — и на улице, и всюду, куда ты приходил или приезжал. О Баталове часто писали в газетах и журналах, интересуясь подробностями его жизни. Как это влияло на тебя? Приедалось? Или продолжало и продолжает волновать?

